

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Исповедь свекрови,
ИЛИ
Урок Парацельса

Р О М А Н

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
А. Дурасова

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Исповедь свекрови, или Урок Парацельса : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168554-6

Сложно быть матерью взрослого сына. Сложно быть хорошей для всех его жен и подруг — принимать их без строгой оценки, не мешать и одновременно помогать по мере сил. И вообще нелегко быть идеальной свекровью. Да и просто свекровью... Нужно уметь сохранять баланс, чтобы не переборщить ни с заботой, ни с помощью любимому чаду, ни с умными советами. Ведь недаром говорят: глупая свекровь теряет сына, а умная обретает дочь. С этой мыслью и живет Александра, стараясь с уважением относиться к выбору своего Лёвы — не вредить ни ему, ни его женщинам, ни себе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168554-6

Мы все когда-то начинаем лгать,
Но сколько бы в грядущем и прошедшем
Мы с вами ни обманывали женщин,
Есть первая обманутая — мать.

Евгений Евтушенко

Глава I **АРИНА**

Электричка резво летела через апрельский полдень, словно радуясь весне. Летим, летим! Расступись, апрель! Стучим колесами, старым железом скребем-играем у пассажиров на нервах! Нет, и впрямь... Куда летим-то? Над лесами, над полями? Даже в окно толком не поглядеть — солнце по глазам бьет... Не в глаза, а именно по глазам, сбоку, наотмашь.

Надо было темные очки с собой прихватить. Сама виновата, не догадалась. Теперь сиди, щурься на солнечную назойливость, усугубляй и без того усугубленные возрастом «гусиные лапки». Бессовестное ты, апрельское солнце, вот что я тебе скажу. Думаешь, все тебе так рады? Ага... Счастливы прям. Особенно в этой переполненной народом дачно-субботней электричке.

Нет, с одной стороны, хорошо, конечно, что весна случилась ранняя и солнечная. Еще и майских праздников не было, а уже первые листочки на деревьях вылупились. Нежная зеленая дым-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ка, едва уловимая, как обещание, как надежда... Красиво, кто бы спорил, но солнце куда спрятать! Расплясалось яркими снопами по вагону. А в снопах пыль — серая, зимняя. Много, много пыли. И мысли в голове тоже пыльные. И все еще зимние. Вялые, раздраженные, авитаминозные.

А с чего им веселыми-то быть, интересно? Если живешь в голоде, холоде да в работе-заботе, и никаких тебе радостей... Только одна радость и выдалась — к Прокоповичам на дачу съездить. Подышать. Отдохнуть. Выспаться. Согреться, наконец.

Хотя, если озвучить ее мысленные стенания, смешно звучит, наверное! Особенно про голод и холод! Ну да, этот самый голод она сама себе и придумала, следуя многолетней привычке, как всякая уважающая себя женщина... Строгая весенняя диета называется. Ничего нельзя. Ни жирного, ни мучного, ни сладкого. Ни-че-го. Понятно, что для организма сплошное вредительство, но похудеть-то к лету все равно хочется! Влезть в любимые белые брючки, рубашечки-маечки, еще трепыхнуть крылышками напоследок... И не беда, что этот «напоследок» из года в год перескакивает, как переходящее красное знамя. Всегда же думается, что именно этот «напоследок» — самый что ни на есть критический. Не в том смысле, что помирать пора, а в том, что круглая пенсионная дата аккурат этой зимой и настигла, черт бы ее побрал... А дальше...

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

А дальше — не будем о грустном. Тогда о чем бишь она? А, о голоде и холоде. Да, голод сама придумала, потому не обидно. Но относительно холода — это уж извините, господа хорошие, подвиньтесь! Это уже из ряда вон какое коммунальное безобразие! Нет, кому в голову пришло, интересно, чтобы отопление с приходом первых солнечных дней отключать? Они ж только с виду — солнечные! А на ощупь — ой какие обманчиво холодные! И неудобные! И со столбами зимней пыли внутри. Вот и получается, что на фоне голодно-холодного неуютия ничего и не складывается. Ни жизни нормальной, ни работы-заботы. Более того, про всякую работу-заботу даже и думать не хочется! А думать надо, иначе вытолкнут на пенсию, только перья полетят...

А может, бог с ним, и с работой, и с перьями? Нароботалась уже? Много ли ей одной надо? Тем более у сына своя семья, свои заработки... Устала, хватит. Чего-чего, а такого добра, как работа-забота, всегда в ее жизни хватало, ни разу ни с одной синекурой не повезло. А что делать — она тетка ответственная. Родом из уходящей гвардии чиновниц-отличниц, которые лучше борщом для семьи поступятся, чем сданным не вовремя квартальным отчетом.

А голодный желудок так и вымаливает для себя хоть что-нибудь. Не удовлетворила его тертая морковка на завтрак. Где-то в недрах сумки маленькая шоколадка, помнится, болталась... По-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

искать, что ли? Тем более еще добрых сорок минут в электричке трястись.

Ага, нашлась шоколадка. Радуйтесь, жалкие дутые зернышки, политые коричневой химической патокой, что называю вас таким гордым именем. Хм, шоколадка... А ничего, вкусно с голoduхи... Червячка заморить можно. Все как в рекламе. Как там? Съел — и порядок. Заряди мозги. Уступи соблазну, поцелуй меня в пачку. Молоко вдвойне вкусней, если это... Нет, это уже из другой оперы, кажется.

Пока жевала, вспоминала недавний разговор с Катькой Прокопович. Аккурат про весеннее похудание тема была. Злободневно веселая. Любят они с Катькой повеселиться, этого у них не отнимешь.

— Сашк... Ну чего ты опять с собой творишь? Зачем тебе худеть в твоём возрасте?

— А мне в худом виде жить легче, Кать. Сподручнее как-то. Когда ветер по ребрам гуляет, я изнутри музыку слышу.

— Ну, не знаю, как там насчет музыки... А по-моему, это несколько неприлично — встречать пенсию в худобе. Я бы сказала — вызывающе.

— В смысле — вызывающе? Для кого — вызывающе?

— Для общества. Некоторые и к тридцати такой стройности не имеют, а ты перешагнула за полтинник и обнаглела совсем. Совесть надо иметь, Сань.

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

— Прости, Кать. Прости ты меня, дуру глупую. Капустки квашеной хочш? Почему не хочш?

— Да ладно, не придуривайся, все равно гениальную Чурикову не переиграешь. А если серьезно, Сань... Не понимаю я, зачем себя так мучить? А главное — для кого?

— Для себя, Кать, для себя. Объясняю же. Мне так жить легче. Одиночество лишних килограммов не любит. Для него это дополнительный стресс. А музыку одиночество любит. Вот я сама себя и танцую — под музыку худобы.

— Ага, ага... Но все равно, знаешь... Как-то в нашем возрасте... Худая корова — еще не газель. Вернее, уже не газель. Я вот, например, предпочитаю усредненное состояние.

— Это какое же?

— Ну... Лучше уж быть слегка полноватой газелью, чем худой старой коровенкой.

— Значит, я, по-твоему, худая старая коровенка?

— Нет, не старая... Врать не буду, выглядишь хорошо. Но худая!

— Но коровенка?

— Коровенка!

— А ты, значит, газель?

— А я газель!

— Уточним, толстая газель!

— Не толстая, а слегка полноватая!

— Ладно, на этом давай и сойдемся... Я коровенка, а ты газель. Только слегка полноватая.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Хм... А ты вообще видела когда-нибудь полнова-туую газель? Я, например, не видела.

— Да уж, Сань. Любишь ты утешить, однако.

— И ты...

Хорошо с ней, с Катькой. И на даче у них, у Прокоповичей, тоже хорошо. Коля, Катькин муж, с утра печь истопил, наверное. В доме тепло, уютно. Или баньку... Он всегда к ее приезду баньку топит. Хороший Коля. Замечательный Коля, Катькин муж. Скорей бы уже приехать!

Расслабилась, доверчиво повернулась к окну. Да что ж такое, опять солнце резануло наотмашь! До слез! Какие ж вы назойливые, солнечные весенние радости! Вон, выбирайте для нахальства молодые лица, на них и пляшите! А ей — зачем... Чтобы из глаз лишнюю слезинку выколотить? И без нее, без лишней слезинки понятно, что жизнь уходит...

Опять! Нет, нет, не надо в грустное уплы-вать. Ну уходит жизнь, и что? У всех по боль-шому счету уходит. Да вон, полный вагон таких, как она, если в лица взглядеться. Все тетки после пятидесяти, ни одного молодого лица нет. Ко-го из молодых загонишь в субботу на дачу, гряд-ки копать? Нет, молодые в воскресенье на дачи подтянутся, к обеду, на уик-энды с шашлыка-ми. А в субботу — одни тетки с грустными ли-цами, с прищуром на солнце. Вон та, например, что наискосок сидит. Явная озверелая дачница. Так бережно прижимает котомку с рассадой к

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

пухлomu животу, будто из той рассады молодильные яблоки вырастут. Или золотые монеты, как в сказке про Буратино.

Или вон та... Хотя и налегке едет, но тоже видно, что дачница, только ленивая. Наверняка на своем участке один худосочный газончик организовала и радуется, и думает про себя — выдали мы ваши плебейские грядки с морковкой! Мы ж не такие, мы желаем свежий воздух к интеллигентской лености присовокупить, чтобы как в старые добрые времена...

Да, тетки разные. Но взгляд в окно у всех одинаковый, задумчиво пронзительный, направленный внутрь себя, в накопленную и грустно невостребованную мудрость прожитых женских лет. Взгляд одиночества, в общем. Да, да, именно одиночества. Не обязательно реально имеющегося, скорее внутренне фатально сложившегося. Потому что каждый приходит к старости под руку с одиночеством. А что делать? Так положено. Человек рождается в одиночестве и умирает в одиночестве. А пляски акушерок в роддоме и плачущих родственников у одра — это всего лишь зрительный зал, отделенный от самого процесса светом рампы.

Фу ты, да что такое? Почему ее сегодня на грустное тянет? Хотя почему же грустное? Отнюдь не грустное. Философское, скорее. Если еще раз пробежать взглядом по женским лицам... Все, все по сути одинаковые. На всех читается

ВЕРА КОЛОЧКОВА

калька-судьба, безмятежно счастливых нет и в помине. Одиночество, проблемы с выросшими детьми, безденежье-безмужье... Да и «мужье» тоже выражение лица не шибко меняет. Некоторые тетки, бывает, очень любят обряжать свое одиночество в одежды счастливого замужества, да только получается еще жальче. Потому что природу не обманешь. Потому что старость — это честный союз с одиночеством. Чем выше годами к небу, тем больше сужается круг...

Хотя вдвоем идти к духовному одиночеству все же легче, кто спорит. Даже в физическом смысле не так страшно — это относительно пресловутого стакана воды. От детей-то водички фиг дождешься, чего уж... Да, вдвоем легче, но не всякому такое счастье удастся. Вернее, не всякой. Потому что тетки дольше живут. Тянут свое одиночество годами, как воз... Кому легче, кому тяжелее. Исходя из той вариации, как это одиночество в свое время образовалось. Например, вдовы. У них лица, как правило, исполнены величайшим достоинством, чуть надменные, гордо-скорбные. А у тех, которым стать вдовами не повезло (прости, господи, за кошунство!), которые обыкновенные брошенки, те несут свои постаревшие лица немного стыдливо, немного с заискиванием, с припыленностью-примятостью, как забытое старое пальто на антресолях... Взять хотя бы вон ту тетку, пристроившую в ногах огромный рюкзак. Сидит, улыбается. Зачем

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

улыбается, кому? На всякий случай, в пространство, вдруг пригодится? Извините, что я тут с вами в одной электричке еду? Да уж... Хотя, по сути, это всего лишь оттенки...

Хм. Оттенки. Вспомнила и сразу заулыбалась невольно. Слово-то какое нынче модно-громкое стало. Раньше было просто слово, а теперь его и в мыслях произнести опасаясь. Да уж, было дело, нарвалась на эти «оттенки», прихватила ненароком у невестки Арины книжицу почитать в дорогу... Думала, детектив. Или обыкновенный бульварный романчик. Арина же ее не предупредила, усмехнулась только. От нее, от Арины, лишнего словца не дождешься. Бука, она и есть бука, все молчком да с недовольным лицом... Вот и про книжицу — ни полслова. Только головой мотнула — ага, мол, возьмите, почитайте в дороге, дорогая свекровь Александра Борисовна... Ну, она и открыла книжицу в автобусе, как порядочная. Еще подумала — чего это на нее женщина, сидящая напротив, так пристально смотрит? И усмехается нагло?

Хотя, если честно, ничего такого в этой книжке нет. Не Фицджеральд и не Брэдбери, и даже, как говорится, рядом не стояло. Тоже, развели ажиотаж. Ну, выпался черт на главного героя, и что? Мало на ком он высыпается нынче? Кто бы мог подумать, что фантазии американской домохозяйки у нас такой фурор вызовут? А Катька Прокопович так вообще правильно про эти «оттенки» выра-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зились — это, говорит, не фурор, а сказка про голого короля! Один прочитал, глаза закатил и помотал головой с придыханием. Потом второму прочитать захотелось, и тоже глаза со смыслом закатил. А третий думает — может, и мне так надо, что ж я буду, как идиот, совсем не в тренде? Надо тоже глаза закатывать и головой мотать... С тех пор и покатились, и покатилося. Закатывают и мотают, мотают и закатывают... И все в тренде числятся, и всем хорошо, и все модные-грамотные.

Тетка с рюкзаком вдруг тревожно повела плечами, глянула на нее вопросительно. Пришлось отвернуть голову к окну — и впрямь, неловко получилось, зачем-то застыла на ней взглядом. Интересно, а у нее самой какой взгляд? Наверное, классический вдовий... Который с достоинством...

Да, конечно. Гриша, если бы жив был, никогда бы ее не бросил. Не предал бы. Не смог бы ей организовать эту обиженную неприкаянность на старости лет. Гриша, Гриша... Восемь лет как тебя нет, а вспомнишь, и сердце болеть начинает. Ушел и даже не узнал, что внука в честь тебя называли... Долго имя выбирали, пока Леве эта мысль в голову не пришла — так в честь папы же надо! Молодец, сынок. Спасибо тебе, Левушка. Уважил.

Помнится, они с Гришей тоже долго для сына имечко подбирали. Хотелось чего-то необыкновенного, нежно-душевного и воркующего, потому как долгожданный был сыночек, по женским

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

больницам выстраданный, в трех монастырях вымоленный. Кучу вариантов перебрали, чуть не пооссорились. Потом Гриша вдруг предложил — а давай сермяжно, по гороскопу! Он же в июле родился, значит, Лев! Пусть будет Лев, а, Саш? По крайней мере, со смыслом — всегда отгрызется от нападающих. Она сначала взвилась — грубо, мол! А потом подумала и согласилась. А что, неплохо звучит. Лев, Лева, Левка, Левушка...

Так и жили, так и воспитывали. Ты — Лев, помни об этом. Лучший кусочек — тебе. Любви отцовской-материнской — тоже навалом, хоть объешься. Видать, на пользу пошло. Вырос на чистом сливочном масле царь зверей, красавец блондин, мамин и папин сын... В школе учился — от девчонок отбою не было, хоть двустволку в окно выставляй да отстреливайся. А в институт поступил — и попался на втором курсе в цепкие Ариныны лапки. Залетела. А что делать? Пришлось свадьбу играть. Правда, это уже без Гриши было... И квартиру молодым пришлось покупать тоже без Гриши, все сбережения отдавать, в долги влезать. Арине, видите ли, сразу не захотелось жить со свекровью. Ой, если вспомнить...

Подумала об Арине, и снова заныло сердце. Что-то оно в последнее время часто ныть принимается. Не к добру. Хорошо, что приехали уже... Вон, в репродуктор объявили — станция «Боровки»! Какое веселое название — «Боровки»! Классически дачное!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

* * *

А денек-то прохладный. Да, солнце хулиганит всюю, но коварный апрельский ветер так и норовит огладить лицо не согревшейся после зимы стылой ладонью. Зато землей оттаявшей пахнет — прелесть... Очень чувственно. И птицы поют. И дымка на деревьях здесь больше проклюнулась, чем в городе.

Ладно, пусть будет весна. Разрешаем. Если не думать о вечно плохом настроении, об этой непреходящей, как зубная боль, обиде на невестку, то хорошо же! Солнышко, одуванчики в траве. Вот уже заборы дачного поселка пошли, навозом пахнуло, дымом костров. Мужик в линялых трениках покосившийся за зиму забор поправляет, матерится не так чтобы громко, но от души. Очень у него интеллигентно получается. Вроде и грубо, но слух почему-то не режет. Вот почему так, а? Одни матерятся, словно черным дегтем в душу плюют, а другие — словно ржаным хлебушком угощают, да с луком, да с килькой... Так и хочется засмеяться в ответ или даже присоединиться крепким словцом! Наверное, это от качества человеческой природы зависит, откуда матерок в свет летит. Добротная природа — и матерок добротный, как у этого интеллигентного мужика в трениках.

У Прокоповичей ворота распахнуты настезь. Ага, на участке аккуратная куча опилок желтеет,

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

свеженькая. Значит, завтра с утра эти два муравья Прокоповича, запрягшись в носилки, будут свои драгоценные опилки туда-сюда по участку растаскивать? А она что будет делать, смотреть на них? Вот уж удовольствие... Нет, никогда не понимала этих садово-огородных радостей, этого поклонения морковкиному урожаю. Зачем? Если морковка осенью в овощной палатке — рубль ведро... Ну, разве что себя занять, обмануть лишним телодвижением головушку неприкаянную. Это да. Это как раз можно. Больше работаешь — меньше о плохом думаешь.

И двери на веранду тоже распахнуты. Первое, что бросилось в глаза — толстый Катькин зад, втиснутый в старые Колины джинсы. Нет, как эта газель туда его втиснула, интересно? Коля Прокопович — мужчина худенький, можно сказать тщедушный.

— Ой... Кто там? — вздрогнув, обернулась Катька. — Господи, Санька... Чего ты крадешься все время? Напугала!

Так, понятно, почему зад в Колины штаны втиснулся... Ширинка-то не застегнулась, петелька с пуговкой через отдельную веревочку просто дружат. Катьке, может, удобно, а глазу смешно.

— Привет, Кать. Это что, нынче дачная мода такая? — указала пальцем на клочок фланелевой рубахи, вылезший в прореху ширинки.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ладно... Эти штаны выбросить не жалко, все равно измажусь как черт. Видишь, рассадку разбираю... Хочу сегодня помидоры в теплицу высадить. Как думаешь, не рано?

— Кать... Это ты сейчас с кем разговариваешь?

— А, ну да... Действительно, что это я. Совсем забыла, что ты у нас девушка белорукая. Вся такая внезапная, противоречивая вся.

— Хм... А при чем тут внезапность и противоречивость? Как-то не в тему, Кать.

— Да сама знаю, что не в тему! Это я так, от задумчивости. Жалко, если рассада погибнет... На той неделе, говорят, заморозки обещали. Ну, чего выстроилась на пороге, как налоговый инспектор? Заходи...

Катька сердито сдула со лба челку, глянула на свои руки в резиновых перчатках с прилипшей землей. Подумав секунду, провела по лбу запястьем, свободным от раструба перчатки. Неудачно провела — на лбу осталась черная полоска.

— Кать, а хочешь, я тебе помогу? Ты мне только объясни, что нужно делать. Я способная, я справлюсь.

— Да ладно... Из тебя в этом деле помощница, как из меня балерина. Все ростки поломаешь.

— Да прям... Давай помогу, чего ты!

— Саньк, не зли меня сейчас. Вот садись лучше в кресло, опнишь с дороги, как моя мама, покойница, говорила, помнишь? Тем более это ж

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

твое любимое креслице, Коля специально его сегодня утром со второго этажа на веранду выволок... Сашенька, говорит, приедет, сядет на веранде с горячим чаем, будет воздухом весенним дышать, на природу любоваться...

— Ой, какой он у тебя милый, Кать... Я сейчас заплачу...

— Ладно, не плачь. А вообще, можешь и всплакнуть, Коле приятно будет. Я потом ему расскажу... Нет, что мне с рассадой-то делать? Высаживать, не высаживать? Вон больше половины уже разобрала... И сорт, главное, хороший, у меня такого еще не было... Мне его Марья Алексеевна присоветовала...

Все, улетела в свою помидорную заботу, сама с собой уже разговаривает. Можно и впрямь в любимое кресло завалиться, «опнуться» с дороги. Да, затейница была тетя Лида, Катькина мама, относительно всяческого фольклора... Иногда такое коленце могла выдать, и не поймешь, то ли похвалила, то ли обругала. А чего стоила обращенная к ним с Катькой тети-Лидина знаменитая погонялка — госпожи Чичиковы! Почему госпожи Чичиковы, где госпожи Чичиковы, откуда она это взяла... Если гоголевского Чичикова имела в виду, так у него отродясь никакой госпожи не было. Хотя, наверное, ничего ругательно-го тетя Лида в эту погонялку не вкладывала, она и ругаться толком не умела. Заглянет, помнится, в Катькину комнату, нахмурится через улыбку,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

начнет на них ворчать: «Чего расселись, зады на диване примяли! Пойдемте на кухню, поглядите, как я пирог заворачиваю, может, хоть научитесь, какая-то польза от вас будет! Ишь, сидят, две госпожи Чичиковы, ручки сложили...»

Хорошо было у них, помнится. Легко. По-доброму как-то, без претензий. И всегда пирогами пахло. И борщом. И с Катькой было дружить хорошо. Комфортно. Хотя мама всегда морщила носик в сторону Катьки — что между вами общего, Сашенька, не пойму...

Да ничего не было меж ними общего, это правда. Тетя Лида работала продавщицей в овощном магазине, а Катька была дочкой продавщицы овощного магазина. А ее мама работала завлабом в каком-то научном институте со сложной аббревиатурой, и что? Невелика должность — завлаб, особенно в тех НИИ, еще доперестроечных, а вот поди ж ты, какой снобизм. Карьера превыше всего. «Надо идти вперед, Саша, не стоять на месте. Ты обязательно должна поступить в институт. Надо поставить перед собой цель и упорно ее добиваться. Надо, Саша, надо...»

Кто ж спорит, надо, конечно. Она с мамой и не спорила. Но часто бегала-таки в Катькин мешчанский уют, чтобы погреться-опнуться. Бегала от этого «надо», от унылого полезного винегрета и супа из пакетика туда, где пахло пирогами и борщами. К салфеточкам, коврикам, кудрявым занавескам. В любовь и комфорт, где тебя при-

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

нимают просто так, независимо от того, каких целей ты упорно добиваешься. Да, Катька не поступила в институт, а она поступила. И Катька вместе с тетей Лидой за нее радовались. И даже отмечали, помнится, это обстоятельство. Пирогов напекли. А мама не радовалась, мама в санаторий сразу уехала — нервы лечить. Очень переживала, что дочь в институт не поступит.

Между прочим, Катька и без диплома в начальники выбилась, уже много лет занимает должность старшего офис-менеджера в крупной компании. Командует целой армией секретарей, делопроизводителей и курьеров. И замуж вышла счастливо и по любви. Потому что она хоть и «простая», как мама говорила, зато по природе умная и сильная. И добрая. И любить умеет. От нее эта любовь расходится во все стороны, как жар от печки, просто так бери — не хочу. Таковой вот донор, отдает и назад не спрашивает. Как говорил Гриша — «съедобная у тебя подруга, Саш, хлебная... Главное, чтобы едоки не разбежались, иначе хлеб зачерствеет со временем...»

— Саньк... Ты чего, заснула, что ли?

— А?.. — встрепенулась она в своем кресле, приподняла затылок от мягкого подголовника, уставилась на Катьку.

— Чего внука не привезла, говорю? Смотри, какой денек хороший... Побегал бы на солнышке, подышал бы.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Гришеньку на выходные та бабушка забрала, Кать...

— А... Понятно.

Переглянулись, поджали губы одинаково. «Та бабушка» — как пароль, и без того все ясно, дальше и обсуждать нечего. Потому и последующая молчаливая пауза получилась выпуклой, болезненно вспухшей. Тронь слегка — и прольется ненужными словесами. Действительно — ненужными. Лучше уж так, молчаливо «попслетничать». Они ж с Катькой воспитанные тетки, черт побери. Не опустятся же они...

А «опуститься»-то как хочется, ой! Почесать языком, вывалить наружу недовольство «той бабушкой». Нет, правда, зачем на выходные внука забирать, если у тебя от его беготни «голова раскалывается»? И бедный ребенок сидит день-деньской перед телевизором, в мультики глаза лупит? Причем беспрерывно? Не играет, не рисует, не гуляет, а калечит свою психику криками ужасных ниндзя... Оно понятно, что тебе так удобно — внучок сидит, с расспросами не лезет, бегать вокруг стола с «войнушкой» и с пластиковой саблей наголо не заставляет. Но ведь вредно же ему — столько времени в телевизор пялиться! Так и отупеть можно! А для неокрепшей психики какой вред? А, да что там... Зачем лишний раз нервы теревить...

— Ладно, Сань, с внуком все понятно. А сама чего?

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

— А чего я?

— Ну, я же вижу. Сидишь, прокисла вся.

— Я не прокисла. Я замерзла и есть хочу.

— Так возьми плед, чаю себе согрей, бутерброд сделай. Сто грамм налей. Вишь, я занята пока.

— Неохота вставать... Лень мне. Потом...

И вздохнула вдруг так тяжело, даже пискнуло в горле слезливо. И впрямь захотелось всплакнуть, и чтобы Катька молчала и ни о чем ее не спрашивала...

— Эй... Ты чего, Сань? А ну говори, что случилось?

Как же, не будет она спрашивать. Особенно после такого выразительного вздоха с писком. Сама нарвалась.

— Да ничего особенного не случилось, Кать. Просто устала.

— От чего? От работы?

— От жизни.

— А... Ну, это понятно, это мы уже проходили. Знаешь, Сань... Иногда смотрю на тебя и что-нибудь такое сердитое из себя выплеснуть хочется! Или это... Как его... Погоди, сейчас изобразжу!

Катька вдруг резво выпрямила стан, закатила глаза, картинно откинула свободным от перчатки запястьем челку со лба, втянула в себя воздух, издав горлом надрывный смешной всхлип. Ее страдания, стало быть, карикатурно изобразила.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А еще, Сань, очень хочется строчку из душещипательного романа какую-нибудь произнести! Обязательно утробным голосом! Вроде того — «...ее трагедия заключалась в том, что... Что»... В таком духе! Зашибись, в общем!

И правда, ловко у Катьки получилось. Особенно «ее трагедия заключалась...», произнесенное утробным голосом. Только не смешно вовсе. Наоборот, обидно слегка.

— Все дело в том, дорогая Санечка, что нет в твоей жизни никакой трагедии, понимаешь? — иссякнув насмешливостью, снова склонилась Катька над рассадой, шевеля грязными резиново растопыренными пальцами. — Все у тебя есть, а трагедии нет, уж извини. Сын есть, внучок есть, чего еще надо от жизни? Какого рожна? Когда есть для кого жить... Это скорее мне больше подходит — про трагедию-то. Вот скажи, Сань... — снова распрямившись и указывая руками на ящик с рассадой, грустно произнесла Катька, — для кого я тут вкалываю, а? Для кого это все? Наворочу опять этих помидоров, как на Маланьину свадьбу... Потом буду родственникам да знакомым раздавать, да еще и просить Христа ради, чтоб взяли...

Так, а это уже серьезно. Это уже и впрямь опасная тема пошла. Надо сидеть, помалкивать, не подкидывать дровишек в костер, глядишь, опасная тема сама собой рассосется. Опасная тема Катькиного подвига. А как иначе все это назовешь, если не подвигом?

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

Да, Катькино знакомство-жениховство с Колей аккурат у нее на глазах происходило. Между прочим, красивое знакомство-жениховство, вполне искреннее. Коля тогда бедным студентом был, вечно голодным и болезненно скромным ботаником-замухрышкой, зато престижный радиофак политехнического института оканчивал. С отличием, между прочим. На красный диплом тянул. Катька в него влюбилась без ума... Глядела как на божество, открыв рот. Такой умный, такой умный, восторг, майский день, именины сердца! Любовь поднималась в ней сдобным тестом, через край переползала! И Коля около Катьки пригрелся, откормился на тети-Лидиных борщах и пирогах. В общем, полная гармония получилась — каждый взял друг от друга то, чего сам не имел. Катька любовь свою смелую осуществила, а Коля ее принял с большой благодарностью. И сводил Катьку в загс. И в квартире у нее после окончания института прописался. Так они с тетей Лидой его и обихаживали — вдвоем и с удовольствием. Может, потому Коля и карьеру хорошую сделал, и заработок неплохой в дом приносил. Потому как ботаников с красными дипломами много, хоть пруд пруди, а в жизни потом пробиться — это еще вопрос...

А дальше — как в сказке. Жили они хорошо и счастливо, да только детей у них не было. А Катьке ребеночка хотелось — страсть! Время идет, ничего не получается. Сгребла она Колю

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в охапку, пошли вместе по врачам проверяться. Оказалось, что Катька вполне себе детородная, а Коля — совсем нет... В детстве болезнь какую-то коварную перенес, которая на его потенциальном отцовстве крест поставила. Тетя Лида тогда только руками всплеснула — ой, дура ты, дура, Катька... Ну ладно, сама бы проверилась, зачем туда Колю-то потащила? Устроила мужику унижение-переживание, а толку? Лучше бы согрешила с кем по-умному, тихо-мирно-культурненько, и воспитывал бы как своего...

Коля, все про себя узнав, проявил истинное благородство души. Нет, вещи не собрал и от пирогов с борщом не ушел, все по-другому придумал. Он тоже, как и тетя Лида, предложил Катьке согрешить тихо-мирно-культурненько. Ну, в санаторий южный поехать или в командировку... Полную свободу действий предоставил. И клятвенно пообещал, что будет любить Катькиного ребеночка как своего. Очень Катьку просил ему изменить «по делу». Так и говорил — надо, Кать, это ж по делу. Высокие отношения, в общем, что тут скажешь.

Да только эта дурища не смогла через себя переступить — ни по делу, ни без дела. И ее можно понять, конечно. Тетя Лида была права — раньше надо было думать. Без Колиного-то разрешения оно бы сподручнее вышло. А так... Пожалела Катька Колю. Объявила ему в одночасье, что уже не хочет никакого ребеночка, что ей и без ребе-

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

ночка хорошо. Любят друг друга, и ладно. И хватит им, и за это судьбе спасибо. Получилось, в жертву себя принесла. А Коля жертву принял.

В общем, тема с определенного времени стала считаться закрытой. Очень крепко закрытой, и чтоб ни-ни... Хотя иногда и выскочит Катькиным горестным восклицанием, вот как сейчас. А еще бывает, она Катькин взгляд ловит, на внука Гришеньку направленный. И сердце болью сжимается. Да и не только Катькин взгляд, и Колин тоже...

— Сань... Может, накормишь моего оглоеда? Мне ж все это хозяйство в теплицу приткнуть надо, иначе корешки высохнут.

— Это с каких пор у тебя Коленька оглоедом стал? Может, я что-то пропустила?

— Да не... Все нормально. Это я так, любя.

— А где он, кстати?

— Где, где... Ерундой занимается. Сказал, пойдет весенним лесом дышать. Он же у нас такой, сама знаешь. Осенью, когда урожай надо перерабатывать, он уходит в листопад, а весной, когда рассада пропадает, уплывает в зеленую дымку. А я тут одна вкалывай — задницей кверху, мордой в землю. Что листопад, что дымка, мне все едино.

— Да, трепетный он у тебя.

— Не то слово, Сань. За то и люблю.

И засмеялись обе — тихо, незлобно. Даже не засмеялись, а так, подребезжали усмешками.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Так накормишь?

— Да, конечно. А что нужно сделать?

— Супчик свари, там, в холодильнике, курица есть. А котлеты только разогреть, я их из дома прихватила. Ну, в общем, сообразишь, что к чему... В первый раз, что ли? Вставай, а то заснешь, Сань! Подними задницу!

— Да встаю, встаю...

Катка ушла, неся перед собой корытце с рассадой. Вставать из кресла не хотелось. Расслабилась, пригрелась, солнце лицо обласкало... Не наотмашь, а будто погладило. Но надо идти на кухню, раз обещала. Колю накормить — святое дело. Особенно после его полетов по зеленой лесной дымке. Да и сама, помнится, голодной была, пока в электричке тряслась.

С обедом она справилась быстро, супчик на вид получился весьма симпатичный. Хотя здесь, на свежем воздухе, любая еда выглядит аппетитной, даже самая никаковская. И чай на ключевой воде очень вкусный. Что ни возьми, все идет на ура вприкуску со свежим воздухом. И даже плембейский бутерброд с луком и килечкой, да под обязательные сто граммов... Хорошо, что она к Прокоповичам в этот выходной таки выбралась! Жизнь-то, кажется, налаживается. Вон уже и Коля идет... Сейчас обедать будем. Ура.

— Здравствуй, Сашенька, здравствуй, милая... Молодец, что приехала. Ты с внуком?

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

— Привет, Коль. Нет, я нынче одна. Баню топить будем?

— А то. Будет тебе и баня, и пиво, и какао с чаем. А тебя, смотрю, Катя тоже к делу приспособила, обед варить заставила?

— Да что там варить, Коль... Все готово уже. Вон и Катя идет...

Обедать сели на кухне. Катька извлекла из холодильника запотевшую бутылку водки, торжественно плюхнула на стол. Александра поморщилась, а Коля потер ладони, издав радостный сухой шорох. Налили по чуть-чуть, молча выпили. Так же молча начали орудовать ложками, утоляя первый голод. А о чем говорить — все свои... Помолчать тоже бывает хорошо. Не надо мешать голодному организму с благодарностью принимать в себя горячее варево. Вон как щеки у Катьки покраснелись, а у Коли глаза заблестели. Совесть в ней всхлипнула было горестно — ты ж на диете сидишь! — но тут же и умолкла, размякнув от вида пухлого куриного крылышка. Да и то — что страшного случится от одного куриного крылышка? И хрустящей корочки хлебца? И от одной Катькиной котлетки? Нет, от двух котлеток... Да ладно, от трех...

И вдруг порвал уютное раблезианство резкий утробный звук — старый холодильник задребезжал, включившись, затрясся, как в лихорадке. Катька вздрогнула, уронив ложку на пол:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Фу ты, зараза... Как затрясется, я всем организмом пугаюсь! Коль, когда мы на дачу новый холодильник наконец купим?

— Нет... Не хочу новый, пусть этот останется. Я от него в ностальгию впадаю, он мне юность напоминает.

— Ну уж... — недовольно пробурчала Катька, наклоняясь за ложкой. — Ты как скажешь, Коль, ей-богу... Где холодильник и где твоя юность...

— А что? Помнишь, как мы под это дребезжание на кухне сидели, «Архипелаг ГУЛАГ» читали? Как на той кухне мои студенческие друзья собирались, тещины пироги ели, водку пили... Холодильник заурчит, зайдется в падучей, а мы дружно вздрагиваем! Хорошо ведь было, девчонки, помните? На фоне этого урчания-то? Неужели забыли? А как мы спорили! Как сойдемся с твоим Гришкой, Сань... Светлая ему память, умный и добрый был мужик...

— Спасибо тебе, Коль.

— Да за что?

— Что Гришу добрым словом вспомнил.

— Да ну тебя... Я его и не забывал никогда. Нет, как мы жили, девчонки, а? Интересно ведь жить было! Когда все вопреки! По телевизору одно талдычат, а мы — другое, мы — «Архипелаг ГУЛАГ» с «Одним днем Ивана Денисовича»... А ты, Сань, помнишь, как «Мастера и Маргариту» тайком читала, бледную перепечатку на папирсной бумаге, неужели забыла? Тогда поче-

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

му-то и Булгакова запрещали, во дураки... Нет, помнишь, Сань?

— Помню, Коль. Конечно, я все помню.

— Ну, понеслось... — тихо, со вздохом произнесла Катька, обведя их лица тоскливым взором. — Читатели, блин, революционэры... Клара Цеткин с этим, как бишь его...

— С Карлом Либкнехтом, — опершись о край стола, чуть приподнялся на стуле Коля, важно наклонив голову вниз и блеснув проплешиной, будто и был этим самым Карлом Либкнехтом. Смешно получилось, да.

— Во-во. С ним самым, — не приняла мужней насмешливости Катька. — Лучше скажите, революционэры, вам чай делать или кофе варить?

— Да все равно, Кать... — отмахнулся от жены небрежно Коля. — Дай поговорить-то...

— Да о чем еще говорить? И без того понятно — новый холодильник покупать не будем.

— Да не о холодильнике! Бог с ним, с холодильником! Вечно ты меня с мысли сбиваешь! Что-то я еще хотел сказать... Не для тебя, для Сани. Помнишь, Сань, тогда еще этой строчкой Маяковского всех по голове долбали, куда эту голову ни сунешь — «...я себя под Лениным чищу»? А на самом деле выходило, что мы-то себя под Солженицыным чистили! Каково, а? Ночами! На кухнях! Вопреки! Вот же время было! А нынешние чего, под кем себя чистят, а? Под новыми холодильниками, которые не урчат?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой, Коль! — досадливо обернулась от плиты Катька с заварочным чайником в руках. — Меня ругаешь, а сам так и привязываешься к этим холодильникам! Ну кому плохо, если они не урчат?

— Да хорошо, конечно... Только никто на кухнях больше не сидит под водочку, да чтоб с любимыми бабами, да разговоры не разговаривает, споры не спорит... Просто едят, потом просто спят. Физиологическую нужду справляют. Тоска. Нет уж, пусть он стоит, пусть урчит, а я посижу, послушаю...

Коля отвернулся к окну, вздохнул. Онаглянула на его сухой длинноносый профиль — постарел... А все равно красавец. Потому что своей, родной. Уютный, как домашние тапочки. Милый, милый Коля. Тоже вздохнула вслед за ним...

Коля вдруг отвел взгляд от окна, уставился на нее подозрительно.

— А ты чего такая грустная приехала, Саш? Вон, глаза как у спаниеля. Опять обидой на невестку изводишься?

Моргнула, озадачилась с ответом — врасплох застал. Потом ответила осторожно, будто боясь оступиться неверным словом:

— Я на нее не обижаюсь, Коль. Скорее, я ее боюсь. А когда боишься, на обиду резерва не остается. Такой вот стокгольмский синдром у нас получается...

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

Они оба, и Катька и Коля, уставились на нее удивленно, даже забыв перегляднуться. Коля нарушил молчание первым:

— Не понял, Сань... Насчет «боюсь» не понял. Новенькое словцо в твоём лексиконе. Это в каком же смысле? В философском, что ли?

— Да нет, почему... А впрочем, не знаю. Вот ты только что рассуждал — Солженицын, Булгаков... Какие мы были умные, смелые, воспитанные-начитанные... Да, были. Ну и что с того, Коль? Да, я все книги Булгакова прочитала. И Чехова всего. И про Бунина с Набоковым знаю, и даже про Солоухина с Песковым. И что? Моя невестка Арина и сотой доли не знает того, что я вычитала из этих умных книг. И знать не хочет. А я все равно ее боюсь... Наши знания давно уже нас не спасают, Коль. Потому что мы для таких Арин — смешные люди из прошлого. Неважно, свекрови мы или кто другие, все равно...

— Эй, Саньк, ты чего это... — робко дотронулась до ее плеча Катька. — Вроде ты никогда в шибко пугливых не ходила...

— погоди, Кать, — отстранил от нее Катькину руку Коля. — Саша же не в том смысле... Не в прямом... Это просто аллегория такая... Правильно, Саш?

— Ой, да ну вас! — махнула кухонным полотенцем Катька, отвернувшись к плите. — Вечно мудрят, мудрят...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Саш... А может, ты к ней слишком высокие требования предъявляешь? — тихо спросил Коля, грустно глядя ей в глаза. — Ну, как бы через себя ее пропускаешь...

— Нет, Коль. Не пропускаю. И вообще никаких требований не предъявляю. То есть, конечно, есть одно требование, даже не требование, а просьба. Чтобы она моего сына любила. Все, больше ничего не хочу. Честное слово.

— Ну, если так... Тогда все должно быть в порядке! Знаешь, как умные люди говорят? Глупая свекровь теряет сына, а умная обретает дочь... А ты ведь у нас умная, Сань! Умная, смелая, воспитанная-начитанная! И терять Левку не собираешься! Значит, по логике, обретай себе дочь на здоровье, пользуйся всем этим хозяйством! А ты — боюсь, боюсь... Что за пессимизм, Сань?

— Не знаю, Коль. Говорю что чувствую, вот и все. Нерадостно как-то на сердце, все время тревога грызет. Вроде и оснований никаких нет, а грызет. Как погляжу на них... На Левку с Ариной... Мне кажется, не любит она его. А я это чувствую. И боюсь не саму Арину, а этой ее не любви к Левке. Понимаешь? Вдруг она открыто проявится.

— Нет, Сань. Не понимаю. Мне кажется, ты слишком перемудрила со своими ощущениями. Может, ты просто ревнуешь?

— Да брось ты! — сердито огрызнулась в сторону мужа Катька. — Что, нашу Саньку не зна-

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

ешь? Станет она до глупой ревности опускаться, ага! Да она костыми ляжет, чтобы Левке не дай бог не навредить... А только без толку все это, я думаю...

— Что без толку, Кать?

— Ну, чтоб костыми ложиться. Тут хоть так ими ложись, хоть этак, а если Арина и впрямь Левку не любит... И знаешь, Кать? Прости, но если уж ты сама разговор завела... Я думаю, так оно и есть. Да, точно, не любит.

— Кать, опомнись, откуда такие ортодоксальные выводы? — уставился на жену Коля. — Ты вроде с этой Ариной не сильно общалась, насколько я понимаю.

— И ничего не ортодоксальные, а самые обыкновенные. Ну сам посуди! Девка замуж не по своей воле шла, а по залету, тем более молодая была. Потом, Санька же им квартиру купила, так? А сейчас мужа с квартирами просто так на дороге не валяются, даже и нелюбимые. Потом ребенок, опять же... Да и Левка весь из себя красавец, не стыдно на людях показаться, это тоже со счетов нельзя сбрасывать. А самое главное — он-то любит ее. Ведь любит? А, Сань?

— Да, любит.

— И что ей, бедной, со всем этим хозяйством делать, если сама не любит? Взять все и бросить? Ага, щас... Вот она и терпит, и злится, и делает тебе козью морду. С одной стороны — вроде и хочется на свободу, а с другой стороны — есть

ВЕРА КОЛОЧКОВА

что терять. А ты переживаешь, тревожишься почему зря. Брось, Сань. Ничего, со временем и она привыкнет, и ты привыкнешь. Стерпится — слюбится, как издавна люди говорили.

— Не знаю, Кать... Как-то грустно все это.

— Конечно, грустно. А кому сейчас весело? Надо радоваться тому, что есть. Что внучок у тебя на глазах растет, а не отдают тебе его раз в год под расписку.

— Да, все так. Но знаешь... Я ведь тоже когда-то за Гришу своего... Ну, скажем, не то чтобы по великой любви замуж выходила. Но я знала, что он меня очень, очень любит! Больше, чем я его. И благодарна ему за это была. Мне кажется, благодарность за любовь — это тоже своего рода любовь. По крайней мере, я ни разу не пожалела...

— Ну что ты сравниваешь, Сань! Нынешние молодые таких благодарностей не понимают. И не принимают. И правильно делают, я считаю! Никаких компромиссов тут не должно быть, все по-честному! Раз другие времена пришли, значит, и нравы должны быть другие! К черту всякое притворство, если уж любить, так по полной программе! Раз положено чай с сахаром, отдай, не грехи!

— Ну, развевалась... — тихо проговорил Коля, принимая из Катькиных рук чашку с чаем. — А я вот как раз с сахаром и не люблю... Я за разумное притворство и ханжество, за уважение к чувствам другого. И вообще — Санька-то тут при

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

чем? Ну, не любит невестка Левку, ладно. А свекровь должна уважать! И точка! Она что, как-то обижает тебя, Сань, да?

— Нет, Коленька, внешне никак не обижает. Молчит в основном. Но иногда, знаешь, такая судорога по лицу пробежит... Будто едва сдерживается, чтоб не нахамить. А я ее раздражение чувствую и сразу теряюсь, будто у меня землю изпод ног выбивают, и кажусь себе маленькой-маленькой... Не зря ж у меня давеча вырвалось про стокгольмский синдром. Оговорочка, стало быть. Такие вот дела, Коль.

— Ой, Сань, я тебя не узнаю... Раскисла совсем. Нельзя так.

— Да я и сама себя давно узнавать перестала. А самое противное знаешь в чем? Я в последнее время так себя веду... Будто стараюсь выслужить ее любовь. Будто это не она невестка, а я. Причем невестка-рабыня. Да, таким образом я пытаюсь выслужить через себя ее любовь к Левке, наверное... Ну, задобрить, что ли. Добрая, мол, будет, так больше его любить станет.

— А она, стало быть, никак не задабривается, да?

— Да, Коль. Это ж понятно. Это же в принципе невозможно — любовь выслужить. Вот я нервами и нервничаю. Это Левка, когда маленький был, так говорил — я когда умом умничаю, нервами все равно нервничаю. А что, точнее и не скажешь.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну что же... Такова жизнь, Саня. Нервничай дальше. Любое нервное переживание — основа для жизни. Переживаешь — значит живешь. И рабство свое внутреннее тоже переживешь со временем.

— Ничего себе, успокоил... — недовольно хмыкнула Катька.

— А я ее не успокаиваю, зачем мне ее успокаивать? Каждый имеет право на свое личное внутреннее переживание, даже на внутреннее рабство право имеет. Да если бы, к примеру, твоему любимому Чехову, Сань, не пришлось каждодневно взаимодействовать со своим внутренним рабством, то есть выдавливать его из себя по капле, ему бы вообще нечего было сказать миру! И самого бы Чехова не было как гения!

— Ну уж... Куда тебя понесло-то? — со смехом глянула Александра в Колино серьезное лицо. — Начали Ариной, закончили Чеховым, да?

— Да, Коль, не тронь Чехова, Санька тебе этого не простит! — поддержала подругу Катька. — Не тронь последний Санькин духовный оплот!

— Да я и не трогаю, чего раскудахтались. Я только пример привел. Вся наша жизнь оттуда происходит, из внутренних переживаний. А если их нет, мы сами себе их придумываем. Чем больше придумаем и переживем, тем богаче и ярче жизнь покажется.

— Ну, опять понесло не в ту степь... — всплеснула руками Катька. — Коль, ау... Мы вообще-то

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

о Санькиной невестке говорили! Косточки ей перемывали, любит, мол, Левку, или не любит!

— А... Да я помню, девочки, помню. Валяйте дальше, девочки.

Потянувшись к бутылке, Коля плеснул в рюмку водки и медленно, со вкусом, выпил.

— Валяйте, чего замолчали...

От его жеста, от насмешливого, слегка равнодушного голоса стало вдруг очень спокойно. Отстраненно как-то. Будто поднялась душа вверх, глянула со стороны... Господи, да о чем она? Любит, не любит... Тоже, придумала себе переживания. Коля-то прав по большому счету. Если переживания у женщины нет, она обязательно его придумать должна. Да, многие грешат этой слабостью — поисками черной кошки в темной комнате. Особенно когда ее там действительно нет.

— А знаете, ребята? Может, я и впрямь себе все придумала? Может, она и любит моего Левку, просто у нее характер такой, эгоистичный и деспотичный, а? Ну, такая она, моя невестка... Берет любовь как должное. И все ей мало. Я стараюсь, чтобы было много, а ей мало. Вот и происходит обесценивание. А я опять стараюсь, и опять...

— А не надо стараться, Сань. В этом твоя проблема, что ты слишком стараешься.

— Так я ж не для нее стараюсь, Коль, а как бы для Левки... Вернее, через нее пытаюсь для Левки, я ж объясняла уже...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да понял я, понял. А только и ты пойми, Сань, что любое излишество — это яд. Даже любовь в большом количестве — яд. Причем смертельный.

— Ну уж, скажешь тоже! — тихо возмутилась Катька. — Кому это бывает плохо от излишка любви, ты что! От недостатка — это да, а от излишка...

— А вы вспомните основное правило Парацельса, девочки. Как оно звучит, помните?

— Да откуда, Коль? — снова возмутилась Катька. — Чтобы помнить, надо хотя бы знать. Мы ж не такие умные, как ты.

— А что за правило, Коль? — насторожилась Саша. Слишком уж лицо у Коли в этот момент было значительное.

— Ну, тогда вслушайтесь... Звучит довольно коротко и недвусмысленно. Все — яд, и все — лекарство; то и другое определяет доза. Вот вам и правило Парацельса. Ну, уловили смысл?

— То есть ты хочешь сказать... Мои старания быть полезной семье сына, якобы излишние, — это яд?!

— Да, именно так. Только не старания быть полезной семье, а старания выслужить любовь невестки. Это разные вещи, Сань. Такие старания в больших дозах и есть яд. Считай, ты ее уже отравила, оттого она на тебя и злится. И защищается от тебя инстинктивно. Раздражаешь ты ее.

— Да... Пожалуй, он в чем-то прав... — неожиданно обидно поддержала Колю и Катька. —

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

Объелась она твоим старанием, Санька. Пора на диету ее посадить, на голодный паек. Не старайся больше, уменьши дозу. По капельке им помогай, по капельке. Пусть она от тебя холодок почувствует. Глядишь, и улыбаться начнет, а не козью морду строить.

— Ну, чего уж сразу холодок-то! — испуганно глянул им в лица Коля. — Какое, однако, у вас бабское рассуждение субъективное, сразу в крайности, сразу в злость! А если объективно, если по-настоящему вдуматься в смысл... Если с осторожностью да с умом... Еще раз повторю, а вы вдумайтесь! Все — яд, и все — лекарство. Понимаете? Все! Все сущее. А то и другое определяет лишь доза. Это ж ко всему, по сути, применимо... Да, умный мужик был этот Парацельс. Может, мы за него еще по маленькой пропустим, а, девочки? А то все спорим, спорим... Давайте, да я пойду баньку топить...

Потом, улегшись после суетного дня в мансарде, где Катька всегда стелила Александре постель, та долго думала над Колиными словами. Спорила мысленно, не соглашалась. Нет, оно понятно, конечно, с этим правилом Парацельса... Очень точно сказано. С дозой переборщишь — яд будет. Но кто может верно определить эту дозу? И можно ли дозировать любовь? Когда помочь хочется искренне, от души, от всего материнского сердца?

Да и куда они, молодые, без ее помощи? Кто внука из садика заберет, кто ужин приго-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

товит, пока они с работы едут да в пробках стоят? Она ж у них как палочка-выручалочка... Тем более ничего взамен не требует. Помогла и исчезла вовремя. Пыль смахнула, пропылесосила, ужин приготовила — нате, возьмите готовенькое. И выходные опять же... Выходные у них всегда свободны, Гришеньку к себе ей только в радость забрать... И вся эта помощь, выходит, яд?! Да куда ж они без этого яда! Нет, Катька с Колей не понимают просто. Своих детей нет... И вообще, зря она этот разговор сегодня затеяла, разжалобилась...

Во сне ей приснился Парацельс. Почему-то в черном плаще с капюшоном, накинутым на голову. Шел на нее, грозил скрюченным пальцем, повторяя механическим голосом одно и то же: «Все — яд, и все — лекарство; то и другое определяет лишь доза... Все — яд, и все — лекарство... Определяет доза...»

* * *

— ...Арина, ну я же не знала... Я специально посмотрела лейбл, там значок стоит, что допускается машинная стирка...

Злой трепет пробежал по лицу Арины, даже показалось, послышался скрежет зубовой. Конечно, никакого скрежета не было. А было с трудом сдерживаемое раздражение, просто ужас-ужас какое. Да двойной ужас, оттого что надо

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

его изо всех сил в себе держать, наружу не выпустить. Бедная, бедная девочка.

— Это моя любимая блузка, Александра Борисовна... Я ее всегда на руках стираю. Вы знаете, сколько она в бутике стоила? А теперь только выбросить...

— Да почему, почему выбросить-то? Если складочки разгладить...

— Их уже не разгладить. Ладно, бог с ней, с блузкой. Но уж пожалуйста, Александра Борисовна, я вас впредь попрошу... Уж пожалуйста...

Ой, не сдержится. Сейчас раздражение хамством выскочит. Ноздри затрепетали, жемчужные зубки прикусили нижнюю пухлую губу. Голова повернулась в проем комнаты, где мелькали силуэты Гришеньки слевой. Там у них бой был на рапирах, увлеклись. Но выскочившее раздражение услышали бы. А нельзя. Надо приличия соблюдать. В том-то и дело. Бедная, бедная девочка.

— Арин, извини. Я ж не знала про блузку. Тем более там и правда значок стоит, что машинная стирка допускается. Вот, сама посмотри. Я ж как лучше хотела, Арин.

— А не надо как лучше, Александра Борисовна! Не надо делать того, о чем вас не просят! Нет, я просила вас заниматься стиркой? Скажите, просила?!

Сорвалась-таки. Глаза стали туманно-злые, и голос полетел в слезный фальцет. Тут же за спи-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ной Арины нарисовался Лева, обвел их лица тревожным взглядом.

— Мам, Арин... Вы чего?

— Ничего! — резко повернулась к нему Арина, выбросив свое «ничего» как нож.

— Да что случилось-то, можете объяснить?

— Лёв, это я виновата... Я блузку Арину в стиралку засунула. Испортила, в общем. Извини, Арина.

— Хм... Из-за какой-то тряпочки и такая трагедия? — нарочито смешливо произнес Лева, глядя Арине в глаза. Хотя с нарочитостью Лева явно перебрал. Агрессивная какая-то нарочитость получилась, воинственная.

— Да сам ты тряпочка, понял? — сквозь зубы процедила Арина так зло, что у Саши морозец по спине пробежал.

Толкнув Леву плечом, Арина ушла в спальню. А он остался стоять, понутив голову, катая желваки на щеках. Из комнаты выглянул Гришенька, раскрасневшийся, возбужденный игрой:

— Пап! Ну ты где? Ты же меня еще не победил!

— Сейчас, Гришук. Поиграй пока один. Я сейчас. Поговорю с мамой и приду.

— Ну пап... Как я один-то? Я, что ли, сам с собой буду сражаться?

— Лёв, не ходи... — Александра схватила сына за локоть. — Ну... Пусть она отойдет немного. Ничего же страшного не случилось. Я ведь и впрямь ее любимую блузку испортила!

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

— И что? — резанул Лева по ней злыми глазами. — Трагедия, да?

— Ой... Лёв, ну не надо ничего, а? Давай я лучше уйду, без меня разбирайтесь. А при мне не надо. И Гришу тоже пугать не надо. Ну, Лёв, ну, прошу тебя...

Не услышал. Не внял просьбам. Рванул вслед за Ариной в спальню. Гришенька проводил отца обиженным взглядом, посмотрел на Сашу, вздохнул.

— Ба... Тогда пойдем с тобой слажаться, да?

— Пойдем! Только не слажаться, а сражаться! Сра-жать-ся! Повтори правильно! С буквой «р»!

— Ср-р-ра-жать-ся!

— Молодец!

Все-таки плохо еще букву «р» выговаривает. Надо к логопеду сводить. Не твердая «р» получается, а на манер классического французского грассирования — «х-р-х»... Если запустить, так и останется навсегда. Проблема, между прочим. Гораздо серьезнее, чем испорченная блузка. Но почему-то эта проблема на сей момент — только бабушкина...

А из спальни уже слышатся возбужденные голоса, несутся вверх по возрастающей. Надо бы дверь плотнее прикрыть, чтоб Гриша не слышал.

— Беги в комнату, Гриш... Я сейчас приду. Приготовь пока мне рапиру и шлем.

— Ага!

Убежал. Александра подошла к дверям спальни, потянула руку, чтобы закрыть плотнее.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

И вздрогнула, услышав страшное слово, произнесенное Ариной:

— Развод? Это ты мне говоришь про развод, да? Пугаешь, что ли? Да ради бога! Да хоть сейчас! Можешь собирать вещи и выматываться!

Застыла, так и не дотянувшись до дверной ручки. Воздух застрял в груди, кажется, не выдохнуть. И первое, что пришло в голову — испуганно меркантильное. То есть как это — выматываться? Это Леве — выматываться? Она квартиру для семьи сына покупала, а сын теперь должен выматываться?

И на выдохе устыдила сама себя — уймись, мамаша. Разве об этом сейчас надо думать, о квартирном и меркантильном? Какой развод, господи? Да как же...

— ...И не смей так с моей матерью разговаривать, поняла? Что она тебе плохого сделала? Она и без того не знает уже, в какое место тебя лизнуть, чтобы ты хотя бы спасибо сказала! А ты ведешь себя с ней как барыня со служанкой, смотреть противно! Кофточку ей не так постирали, какая трагедия!

— А я ее просила мне кофточку стирать? Просила? Почему я все время должна быть за что-то благодарной, если я ни о чем в принципе не прошу?

— Арин, замолчи лучше... Вот не надо сейчас, а? И никогда больше не смей хамить. Она моя

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

мать, Арина. Ты от нее, кроме любви, ничего не видела. Она нам последнее готова отдать.

— Ага... Давай, скажи еще, что она нам квартиру купила, что я в ней живу...

— Да, купила. Да, ты в ней живешь.

— А я одна в ней живу? Я, между прочим, с твоим сыном живу! И с ее внуком! Не забыл?

Саша вдруг почувствовала, как пробило меж лопатками холодной испариной, как зашлось в лихорадке сердце, отдаваясь болезненными толчками в затылке. Давление подскочило наверняка...

— Это ты вечно шляешься где-то, а я да, я здесь живу! Может, расскажешь мамочке, какой ты у нас примерный муж, а? Или после развода расскажешь?

Все. Это уже невозможно слушать. Иначе она сейчас грохнется тут, в узеньком коридорчике, в обморок, потом костей не соберешь. Потянула на себя дверь спальни, закрыла, но не рассчитала движения, получилось шумно, со стуком. Голоса сына и невестки по ту сторону двери смолкли как по команде... Фу, совсем нехорошо получилось. Сейчас Арина скажет, что она подслушивала. Но ведь и впрямь, получилось, подслушивала...

— Ба, ну ты где? Давай игр-р-рать! — сунулся ей в колени Гришенька, когда внесла свое дрожащее тело в гостиную.

— Погоди, Гриш... Погоди, я в кресло присяду. Иди сюда, посиди с бабушкой...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Гришенька мигом устроился у нее на коленях, прижался доверчиво, как всегда, обхватив ручонками.

— Ба, ты чего? Почему у тебя в груди так сильно молоточки стучат?

— Это не молоточки. Это сердце, Гришенька. Ничего... Сейчас мы посидим тихо-тихо, и молоточки успокоятся.

— Ба, ты плачешь?

— Нет... С чего ты взял?

— Ну... У тебя голос будто плачет.

— Нет, тебе показалось.

— А играть мы будем?

— Может, мы завтра поиграем, а? Мне пора домой ехать, Гришенька... Мне завтра рано утром на работу вставать... И тебе спать пора. Давай я тебя спать уложу?

Гриша ничего не успел ответить — в дверях гостиной нарисовались родители. Лица у обоих слегка виноватые. Лева улыбается натужно, Арина поймала ее взгляд с опаской, нервно заправила за ухо упавшую на глаза светлую прядь.

— Гриш... Ты совсем бабушку замучил, иди спать. А папа тебе книжку на ночь почитает, хочешь?

Гриша послушно сполз с ее коленей, подбежал к Лева:

— Правда, пап? Почитаешь?

— А то.

— И рядом со мной полежишь, пока я не усну?